

«Ин Чжэн действительно унаследовал кровь правителей Царства Цинь!»

«Я только что раскрыл величайшую загадку веков!»

«Мой сын — будущий император и легенда, ха-ха-ха!»

«Даже если мне повезло всего раз в жизни, оно того стоило!»

Эти мысли вихрем кружились в голове Цинь Цзычу, сменяясь одна другой, но неизменно удерживая его на пике безумного восторга.

Цзычу всю дорогу не убирал ладонь с живота Чжао Цзи. Он находил десятки нелепых предлогов, лишь бы коснуться ее снова, пока его супруга не раскраснелась от смущения. Обмякнув, она прильнула к его груди и тихонько заворковала.

Глядя на томный, полный неги взор Чжао Цзи, Цзычу вдруг ощутил, как его словно окатили ледяной водой. Разум мгновенно вернулся на место.

— Ни в коем случае, — напустив на себя строгий вид, он нахмурился и серьезно посмотрел на нее. — Неужели тебе совсем не дорог наш первенец, супруга?

Чжао Цзи обиженно поджала губы. Отвернувшись, она сердито выхватила свой пояс и принялась торопливо приводить одежду в порядок. Когда пришло время выходить из экипажа, лицо ее все еще оставалось недовольным — обида на мужа не прошла.

— Осторожнее, давай я помогу тебе спуститься, — заботливо протянул руки Цзычу.

Однако Чжао Цзи лишь холодно хмыкнула. Игнорируя его объятия, она ступила на спину склонившегося слуги, оперлась на руку подросшей матери, Чжао Сун-ши, и величественно прошествовала в спальню.

Цзычу лишь беспомощно улыбнулся, списав все на капризы беременной женщины. Проводив ее взглядом, он направился в кабинет, даже не догадываясь, насколько зла на него оставшаяся без ласки супруга.

В кабинете Люйцяо лениво протирала книжный шкаф. Мыслями она явно была далеко: во взоре сквозила ревность, тоска и глубокая печаль. Она то и дело косилась в окно, откуда прекрасно просматривалась дорожка от ворот усадьбы до покоев хозяев. Ей было отлично видно каждое проявление нежности со стороны Цзычу.

При виде того, как заботливо муж обнимал Чжао Цзи, Люйцяо едва не заскрежетала зубами от досады.

«Ребенок... Всё из-за этого проклятого отродья!»

«Раньше господин лишь увлекался своей женой, но никогда не выказывал ей столько нежности и тепла. Стоило той объявить о беременности — и его отношение переменилось в один миг!»

«Мужчину можно удержать только наследником!»

«Чжао Цзи — обычная девка, которая смеет капризничать перед господином, пользуясь своим положением!»

«Посмотрим, как ты запоешь, когда разродишься, и кончится его терпение!»

Дав волю злобе, Люйцяо услышала шаги. В мгновение ока с ее лица исчезла вся ненависть. Стоило Цзычу переступить порог кабинета, как она, изобразив на лице неопиcуемый восторг, ласточкой бросилась ему на грудь.

Заметив стремительно приближающийся зеленый силуэт, Цзычу инстинктивно раскрыл объятия. Не ожидая такого напора, он покачнулся и сделал шаг назад, восстанавливая равновесие. Поняв, кто прильнул к нему, он мягко, с деланой нежностью щелкнул девушку по лбу. Аккуратно высвободившись, он отступил на пару шагов, выдерживая вежливую, но близкую дистанцию.

— Отчего у тебя был такой грустный вид? — участливо спросил он, заглядывая ей в лицо. — Тебя кто-то обидел?

Люйцяо опустила голову, прикусив губу, и отчаянно закивала:

— Что вы, господин! Быть рядом с вами — величайшее счастье, о котором я и мечтать не смела. Никто меня не обижал. — В ее голосе послышались слезы.

Улыбка сошла с лица Цзычу. Положив руки ей на плечи, он серьезно посмотрел ей в глаза:

— Люйцяо, ты лжешь мне. Расскажи, что стряслось. Не держи все в себе.

«Ну же, выкладывай свои беды, порадуй меня!»

Уловка сработала. Услышав его заботливые слова, Люйцяо разрыдалась, всхлипывая:

— Правда, никто... Просто мне больно видеть, как вы добры к супруге, а она смеет выказывать вам свое недовольство. Мое сердце разрывается от жалости к вам, господин!

Цзычу ласково погладил ее по макушке и тихо произнес:

— Роды для женщины — всегда шаг в пасть тигра. Моя супруга носит дитя впервые, ей страшно. Я хотел порадовать ее, повез на прогулку, но лишь раздосадовал. Так что ее гнев вполне оправдан. Не думай об этом больше. Кстати, завтра я приглашен на пир к Великому наставнику. Тебе наверняка скучно одной в усадьбе. Поедешь со мной, развеешься.

Он с нежностью стер слезинку с ее щеки и вздохнул:

— Ну и плакса. Вся из воды будто соткана. Как же ты без моей заботы жить-то будешь?

Люйцяо шмыгнула покрасневшим носом, отчего стала выглядеть еще трогательнее и беззащитнее. Сквозь слезы она робко улыбнулась и, набравшись смелости, сжала его ладонь:

— Я буду служить вам до конца своих дней, господин. Мне не о чем беспокоиться, пока вы рядом.

— Глупенькая, — Цзычу покачал головой, притворяясь безоружным перед ее преданностью. Скользнув взглядом по аккуратно расставленным свиткам и тряпке в ее руках, он добавил с мягкой укоризной: — Оставь эту грязную работу слугам, не утруждай себя попусту.

Тронутая его заботой, Люйцяо почувствовала, как бешено заколотилось сердце. В ее глазах вспыхнуло неподдельное обожание. Вся ее бывшая расчетливость испарилась — она не могла вымолвить ни слова и лишь крепко сжимала край его рукава, густо краснея.

Ее преображение было слишком явным. Цзычу не мог этого не заметить и в душе немало удивился. Впрочем, даже если девчонка действительно в него влюбилась, его брезгливость в отношении чувств брала верх. Он никогда бы не принял любовь, которая зародилась на почве слежки и шпионажа. Более того, искренние чувства шпионки сулили лишь новые проблемы — влюбленная женщина легко теряет осторожность, что могло поставить под угрозу его собственную безопасность.

Теперь Люйцяо превратилась из удобной пешки в опасную обузу.

Немного поразмыслив, Цзычу решил не предпринимать резких шагов. Раз уж Чжан Ли предупредил о необходимости скорейшего побега в Царство Цинь, Люйцяо — эта марионетка Люй Бувэя — скоро станет бесполезной. Ее роль была сыграна. Нужно было лишь потерпеть еще немного, и эта девица исчезнет из его жизни навсегда. Зачем усложнять себе жизнь допросами или ссорами? Когда придет время, он заберет Чжао Цзи и уедет, а Люйцяо останется ни с чем. Не побежит же она за ним до самого Сяньяна с криками о неземной

любви?

Сделав дежурный комплимент, он мягко высвободил руку, взял с полки бамбуковый свиток и принялся задумчиво водить пальцами по прохладным гладким дощечкам.

Стемнело быстро. Масляная лампа едва разгоняла мрак кабинета. Сначала Цзычу хотел пойти к Чжао Цзи, чтобы продолжить изучение древних писем, но вовремя передумал. Мать и дочь только воссоединились после долгой разлуки, им наверняка хотелось поговорить наедине, без свидетелей. Появление мужа лишь заставило бы их натягивать вежливые улыбки. Зачем мешать?

Чтение при тусклом свете все равно не задалось из-за незнания иероглифов, и Цзычу не стал мучить себя учебой впотьмах. Вскоре от долгого сидения у него затекли ноги. Тамошняя манера сидеть — выпрямив спину на коленях, словно на поминках, имея под собой в лучшем случае тонкую циновку — требовала привычки. Неприученное тело современного человека быстро начинало ныть.

Убедившись, что в комнате никого нет, он с облегчением вытянулся на ложе, подперев голову рукой, и погрузился в размышления о побеге.

Обойтись без помощи Люй Бувэя было бы идеальным вариантом, но в кошельке у Цзычу сиротливо лежало всего триста золотых монет. Как на эти крохи подкупить или обвести вокруг пальца бдительную чжаоскую стражу, рыщущую повсюду словно голодные волки? И согласится ли местный возница бросить семью ради опасного путешествия на чужбину? К тому же единственная кляча в его конюшне выглядела настолько заезженной, что вряд ли дотянула бы даже до границы, не говоря уже о самом сердце Царства Цинь.

Снарядить тайный побег самостоятельно требовало покупки множества вещей. Но под неусыпным надзором стражи любые частые закупки мгновенно вызвали бы подозрения. А провал означал верную гибель.

Он тяжело вздохнул и повернулся к окну. Приходилось признать очевидное: без связей и изворотливости Люй Бувэя им не выбраться. Жизнью придется быть обязанным этому пронырливому торговцу.

Вдруг на его плечо легла нежная, слегка дрожащая женская ладонь. Пальцы скользнули по шее к воротнику, пытаясь распахнуть одежду.

Цзычу оцепенел. В следующую секунду он резко развернулся, перехватил чужие запястья и с силой оттолкнул от себя ночную гостью. На полу перед ним, растерянная и испуганная, сидела Люйцяо.

— Как ты могла?! — его голос дрожал от сдерживаемой ярости. Он сурово посмотрел на плачущую служанку. — Убирайся в свои покои и хорошенько подумай над своим поведением!

Чтобы на глаза мне больше не смела показываться по ночам! И на завтрашний пир ты не едешь!

С этими словами он с силой швырнул бамбуковый свиток на пол, демонстративно отвернулся и укрылся одеялом, даже не потрудившись снять верхнее платье. Люйцяо, всхлипнув, закрыла лицо руками и бросилась прочь из спальни.

Услышав, как затихли ее поспешные шаги, Цзычу наконец расслабил плечи. Избавление от этой навязчивой девицы принесло ему огромное облегчение. Довольный собой, он закрыл глаза и быстро провалился в глубокий сон.

«Пусть считают меня бессердечным мерзавцем. В этом суровом мире лучше самому прослыть подлецом, чем позволить другим вытирать об тебя ноги».

На следующее утро Люйцяо ходила тише воды, ниже травы, боясь даже поднять взгляд на господина. Цзычу, решив закрепить урок, сохранял на лице ледяное безразличие.

Завтрак прошел в гнетущем молчании. Хоть он и сам нагнал эту тоску, кусок в горло не лез. Едва притронувшись к еде, он отодвинул миску, взял очередной свиток и отправился в покои Чжао Цзи.

Там, напротив, царило веселье. Чжао Цзи оживленно болтала с матерью, и на ее лице не осталось и следа от прежней тревоги. Увидев входящего супруга со свитками в руках, она лукаво улыбнулась:

— Наш господин явно не привык уступать. Стоило вчера немного побаловать меня, как сегодня на рассвете он уже пришел требовать долг назад!

Цзычу, довольный ее хорошим настроением, шутливо нахмурился:

— Одной платы по долгам мне мало. Я пришел забрать еще и проценты — изволь накормить меня вторым завтраком!

Чжао Цзи прыснула от смеха и велела служанкам немедленно накрыть для него стол. После сытной трапезы Чжао Сун-ши деликатно удалилась, оставив супругов наедине.

Цзычу прилежно занимался письмом под руководством жены. Перед тем как уйти, он вкрадчиво напомнил:

— Помни: о вчерашнем слуге ни одна живая душа знать не должна. Считай, что мы просто

ездили забрать твою матушку.

Чжао Цзи согласно кивнула:

— Матушка уже предупредила меня об этом. Того слугу я велела увести отдыхать, особого внимания к нему не уделяли.

Цзычу с облегчением кивнул. Наличие рядом с легкомысленной Чжао Цзи умудренной опытом матери избавляло его от половины забот.

Ближе к закату Люй Бувэй, как и обещал, лично доставил несколько сундуков с роскошными шелковыми нарядами. Чжао Цзи бережно помогла мужу облачиться в новые одежды и с ласковой улыбкой проводила его до кареты.

В суматохе сборов Люйцяо незаметно заняла место одной из сопровождающих служанок. Поскольку слуги ехали отдельно, Цзычу даже не заподозрил, что его запрет был нарушен.

<http://bllate.org/book/18277/1750274>